

в этих сценах большого искусства, добившись не только полной ансамблевости в игре артистов, но, что особенно важно, создав образ боевого корабля, как образ главного героя спектакля. Крейсер «Заря» — не столько место действия, сколько активно действующий, борющийся за дело революции коллективный герой. Такое впечатление рождает живая, естественная, тонко слаженная игра всех исполнителей, представляющих собой единое целое, неразрывно связанное с крейсером, его историей и боевой деятельностью.

Основная нагрузка в этих сценах падает на шестерку матросов, олицетворяющих собой живой организм корабля. Здесь представлены спокотальные и несокотальные, стихийные и организованные силы. Исполнители этих ролей: Н. Озеров, Н. Чернов, В. Трошин, Ю. Леонидов, В. Муравьев, Н. Сидоркин; каждый из них создал свой собственный, детально разработанный образ. Здесь и веселый балагур, еесь на распахну, веселый матрос (В. Трошин), здесь и степенный, положительный, сочувствующий большевикам моряк (В. Муравьев), здесь и анархистующий смутный (Н. Сидоркин), для которого палуба — «мусорный ящик, а флаг — тряпка».

Чувствуется, что много времени и упорства отдали режиссеры разработке и других образов в матросских сценах. В результате они добились четкости, точности и целесообразности в выполнении всех сценических действий, приведших к стиливому единству в игре актеров.

Большой удачи добился в роли боцмана Швача молодой актер А. Покровский. Мы помним его еще по «Зеленой улице». Там он ярко и заразительно играл роль подростка, создавая оригинальный рисунок образа. Но боцман Швач — не подросток. Это пожилой человек, с дряхлым сердцем, с большой злобой и ненавистью к людям. Сыграть его молодому артисту трудно, но интересно.

А. Покровский с большим искусством перевоплощения нашел и соответствующие краски, и своеобразную интонацию для образа Швача. Он не стремился к внешнему изображению, к «игранию» характерности. Находя и усвоив логическую линию поведения своего героя, А. Покровский сосредоточил свое внимание на внутренней характеристике, на раскрытии таких черт

Швача, как его пресмыкательство перед офицерами, как люгая ненависть к революции, двуличие и предательство. Швач А. Покровского — это гнилой пенек павшего режима, превращавшего человека в слепо повиную машину, лишенную всяких человеческих чувств и достоинств. Это профессиональный шпион, доносчик, «щкура», человек, для которого нет ничего святого. Все это Покровский тонко и точно воплощает в созданном им образе.

Полная противоположность Швачу — боцман Еремеев (В. Баталов). Для него революция — это действительно свобода, в которой он находит и свое место и свое ответственное дело. Еремеев Баталова — это степенный, преданный Годуну младший командир корабля. Правда, в роли Еремеева почти нет материала для того, чтобы оттенить отношение боцмана к Годуну. Но актер находит почти неуловимые штрихи и оттенки в материале роли для того, чтобы подчеркнуть отношение боцмана ко всему происходящему в жизни корабля, — и этим создает яркую, запоминающуюся, живую фигуру.

Интересно и значительно по своему содержанию исполнение роли пожилого матроса Митрича артистом Д. Шутовым. Это не только настоящая «морская косточка», отшлифованная до кристального блеска за долгие годы военной службы, это та матросская сила, на которой держалась честь и слава русского морского оружия. Он видел утреннюю зарю свободы, озарившей флаг броненосца «Потемкин», он давно понял, что мешало счастью и славе народа, и, поняв это, навсегда связал свою судьбу с борьбой за свободу, за дело революции. Д. Шутов создает в этой роли благородный образ старого матроса, воспитателя и наставника матросской молодежи, образ, овеянный дыханием моря.

С большой нравственной силой и достоинством обращается герой Д. Шутова к командиру корабля, когда последний, оскорбленный в своем самолюбии, слагает с себя командование крейсером. Слова старого матроса звучат сурово, но в них сквозит искреннее волнение и честное отношение к командиру, с которым он провел всю свою флотскую службу в течение двадцати пяти лет:

«Ты — наверху, я — внизу, — обращаясь к Берсеневу, говорит старый матрос Мит-

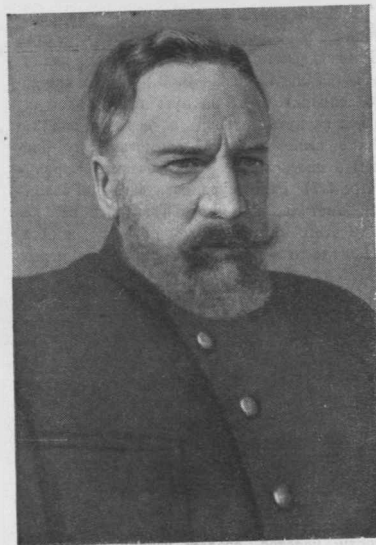
рич, — а соленую флотскую службу вместе хлебали, так не обессудь. Сам знаешь, меж тобой и нами вражды нет. В Гельсинке сколько офицеров под мост спустился, а тебя не то чтоб пальцем тронуть, а сами над собой командиром поставили, потому что видели твою душу. Были б все офицеры такие, то и желать нечего... А только раз встали мы теперь на смертную дорожку за свое дело, то вправе каждого перевернуть до дна, высмотреть, какой у него фарватер. Не гордись перед матросом, Евгений Иванович».

Сурово смотрят в этот момент глаза старого Митрича. Он любит капитана, но он хочет быть спокойным за судьбу своего корабля. Ведь этот корабль — сила, защита, опора революции. И ради нее он готов всем пожертвовать. Эта сцена, проведенная Д. Шутовым с большим воодушевлением, оставляет сильное впечатление. Образ старого матроса неразрывно связан с образом боевого корабля.

Все, кто населяет боевой корабль «Заря», живут в едином ритме чувств и стремлений: никто из исполнителей не стремится играть для себя, играть ради того, чтобы его заметили и оценили в отдельности. В этих сценах воплощены лучшие традиции мхатовской школы, и особенно отрадно то, что в них, в основном, участвуют самые молодые члены труппы.

Художественно-декоративный образ «Зари» прекрасно воплотил в своей работе художник Н. Шифрин, нашедший такой ракурс палубы, который дает полное представление о месте действия и создает необходимую атмосферу для сценического действия. Исторически верно характеризует художник и дом капитана Берсенева, некоторыми своими деталями показывая, что этот дом находится в Кронштадте и что в нем живет русский капитан, офицер русского флота.

Но, уделив основное внимание реалистически правдивому звучанию матросских сцен, режиссура не проявила должной энергии и упорства в разработке сцен, происходящих в доме Берсенева. В них не чувствуется той слаженности, стиливого единства, той простоты и естественности, которые так характерны для сцен, происходящих на палубе «Зари». В них нет-нет да и мелькнет что-нибудь от искусства пред-

МХАТ. «Разлом».
Берсенев — арт. Н. Соснин.

ставления, от той внешней характерности и искусственности, с чем так последовательно и упорно вели борьбу основатели театра К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко.

Вот перед нами Татьяна в исполнении молодой артистки М. Юрьевой. Ее жизнь в образе отдает чем-то условным, искусственным. Артистка часто позирует, тожно опускает глаза, форсирует голос, т. е. старается «играть», а не жить в образе. Особенно это заметно в сцене с Ксенией, когда последняя рассказывает о подготовке взрыва крейсера. В этой сцене М. Юрьева слишком прямолинейно руководствуется ремарками автора, которые требуют от артистки выражения большого душевного волнения. Все это должно быть показано. Но средства выражения должны быть не такими ординарными и внешними, как это получается у артистки. В этой сцене, как и в сцене на корабле, М. Юрьева могла и должна была бы найти более естественные интонации, более органическое слияние с образом.